

Она
исчезла
последней

ДЖО СПЕЙН

Джо Спейн
Она исчезла последней
Серия «Территория лжи»

<https://litres.ru/72088336>

*Она исчезла последней:
ISBN 978-5-389-29883-5*

Аннотация

<p>Алексу Эвансу, сотруднику лондонской лоббистской фирмы, сообщают, что его сестра Вики утонула в ледяном озере в Лапландии – видимо, в результате несчастного случая. На зимнем курорте Коппе, где работала Вики, он знакомится с Агатой Коскинен, начальницей местной полиции, которая уверена: речь идет об убийстве! Алекс узнает, что это не первое исчезновение женщины в маленьком северном городке, и, подозревая, что от него что-то скрывают, пытается самостоятельно докопаться до истины. Распутывая клубок тайн и интриг, он начинает по-новому относиться не только к сестре, но и к себе самому.</p>

Содержание

Пролог	5
Лондон, Англия, середина декабря 2019 года	9
Коппе, Финляндия	19
Лидс, Англия	26
Рованиеми, Финляндия	32
Коппе, Финляндия, зима 1998 года	37
Хельсинки, Финляндия, 2019 год	42
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Джо Спейн

Она исчезла последней

Незабвенному Томми

© Н. Б. Буравова, перевод, 2025

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2025

Издательство Иностранка®

Пролог

Коппе, Финляндия, 1 ноября 2019 года

Сначала добела раскаленная боль.

Нет сил думать. Нет сил сопротивляться.

Ледяная вода парализует все мышцы.

Тело превращается в одну отчаянную мольбу: пусть все скорее закончится.

Вынести это и выжить невозможно.

Но в тот момент, когда ей кажется, что она вот-вот умрет от мучительной рези и жалящего колотья, иглы отступают, сменяясь глубинной болью, поскольку клетки тела пытаются приспособиться к ужасающе низкой температуре.

Поверхность. Нужно выбраться на поверхность. Эта мысль вытесняет все остальное.

Вместо страха, отрицания, непонимания в действие вступает инстинкт самосохранения.

Ноги брыкаются, руки шарят вокруг в поисках той дыры, в которую она свалилась, того пролома во льду.

Вверх, вверх, наконец, голова выныривает из воды, и рот судорожно глотает воздух.

Кислород, внезапно хлынувший в легкие, вызывает выплеск адреналина, и теперь она знает, что делать.

Раз. Перебороть изнурительную дрожь, которая может снова загнать ее под воду.

Два. Выбраться из воды и выползти на лед.

Три. Доползти до твердой земли.

Ей повезло; это стремление прочно зафиксировалось в глубинах мозга.

Некоторые, оказавшись в ледяной ловушке, так и не находят выхода. Последнее, что они видят, – пелена непроницаемого льда, проблеск света на другой стороне. Но она это уже проходила. По крайней мере, у нее есть шанс.

Рука выбрасывается на замерзшую поверхность, туда, где лед не растрескался, и растопыривается пальцами, как страховочный якорь.

Она видит фигуру и помнит, кто это. Зовет на помощь. Во всяком случае, так ей кажется. Рот открывается, но звука нет. А сказать нужно так много.

«Ты ошибаешься. Это не имеет значения. Я никому не скажу».

Человек просто наблюдает. Не пытается прийти на помощь. И потом просто уходит.

Женщина в озере видит малиновые брызги на белом снегу, покрывающем лед, на толстом слое снега, который и заманил ее на самую тонкую, самую опасную часть озерного льда. Красное на белом фоне мучительно красиво, и она почти забывает, что ведь это ее кровь пролилась там. Что рваный след, тянувшийся к разбитому льду, остался, должно быть,

после того, как она пыталась убежать в безопасное место, а из открытой раны текла кровь.

Ее рука тянется и скользит, тянется и скользит, но ухватиться не за что.

Женщина пытается кричать, но ничего не получается. Стук в голове и колотье ледяной воды украли ее голос.

Да и кто здесь услышит?

Она одна, в западне замерзшего озера, а на мили вокруг лишь березы, лесные звери да сплошное белое безмолвие.

Она не идеальна. Она делала много глупостей. Совершила немало поступков, о которых сожалеет.

Но такого она не заслуживает.

Не предвидела даже в самых жутких кошмарах.

Еще очень со многими хотелось бы поговорить в последний раз. И очень многим сказать, как она их любит, хоть и скупилась на ласковые слова.

Она еще думает, что все будет хорошо. Ведь не может не быть. Не с такими молодыми. Она не может вот так просто умереть. Кто-нибудь найдет ее и спасет.

Тело начинает неметь. Сознание уплывает. Скребущая рука замирает.

Последнее, что она видит перед тем, как ее поглотит ледяная вода, – новый снегопад.

Он завораживает своей красотой.

Нежные, ласковые кристаллики падают ей на лицо. Падают... падают.

И падают.

Лондон, Англия, середина декабря 2019 года

– Твоя первая ошибка, Александр, заключалась в том, что на обед ты повел их в мясной ресторан. Этим ублюдкам не нужны стейк и эль, даже если в вашем хипстерском заведении чипсы подают в алюминиевой корзинке, а стол сделан из переработанного дерева, выросшего в лондонском Тауэре. Им нужен обед в стиле Людовика XIV: портвейн за 400 фунтов бутылка, садовые овсянки¹, которых едят, накрывшись белой салфеткой, ромовая баба, пропитанная арманьяком.

Тут Чарли замолкает, чтобы проглотить горку осетровой икры и запить ее хорошим глотком «Скримин-Игл»². Молчит и Алекс.

¹ Певчая птичка размером с воробья. В XVIII веке был придуман рецепт изысканного блюда из нее. Птичку сначала держат несколько недель в темной коробке с зерном или в клетке, но выколов глаза. Оказавшись в темноте, овсянка начинает есть без остановки, думая, что ночи становятся длиннее, значит, скоро зима, и готовится к долгому перелету на юг. В результате она буквально заплывает жиром. Но на этом экзекуция не заканчивается: бедную слепую птичку живьем топят в арманьяке – так она «маринуется», затем ошипывают и жарят. Едят птицу целиком, оставляя только клювик. В 1990-х это блюдо было объявлено во Франции вне закона, но его возвращения в меню ресторанов неоднократно добивались шеф-повара с мировыми именами. – *Здесь и далее прим. пер.*

² Каберне-совиньон, изготовленное на калифорнийской винодельне Скримин-Игл. Самое дорогое – урожай 1992 года, стоит полмиллиона долларов за бутылку.

– К счастью для тебя, менеджер проекта позвонил мне. И я повел их в Коннахт на «ужин с поваром». Гробаный стейк. Впрочем, ты же дилетант. А мы хотим, чтобы, получив контракт, они остались с нами. Ведь лоббисты им будут нужны круглый год.

Чарли с такой силой хлопает Алекса по спине, что наверняка выбил бы из него то, чем он подавился – если бы он, конечно, подавился.

– Грёбаный стейк, Чарли, – тихо поправляет Алекс. – Грёбаный, «ё», а не «о».

– А я так и сказал.

– И это был выдержанный стейк на косточке.

– Несвежий стейк. Твою ж мать.

– Для Кэссиди будет большой удачей получить этот контракт, Чарли, – говорит Алекс. – Я бросил на это все силы, но правительство еще не решило, что делать с портами, и не может позволить себе технологии, которые эти ребята хотят продать.

– Ну, ведь что-то делать все равно придется, дабы не пускать нищebroдов. Такова воля народа. А премьер-министр должен объявить, как будет работать таможня после Брекзита. И тогда почему бы не Кэссиди? Бесконтактный таможенный контроль – это же мечта. Эти братья просто чертовы гении какие-то.

– Думаю, бюджета премьер-министра хватит только на картонные вывески и черные маркеры, – возражает Алекс.

– Значит, нужно больше смазки, ты, непонятливый засрапец, – огрызается Чарли и резко встает, чтобы найти Серену, администратора.

Алекс выливает остатки вина себе в бокал и осматривает коллег по работе – сто двадцать человек, собравшихся в большом, тускло освещенном подвальном помещении «Смоковницы». Это ежегодная рождественская вечеринка «Томпсон, Мэйл энд Синклер», или ТМ&S, для тех, кто не хочет лишний раз утруждаться. Единственная уступка, которую в безупречно выдержанном в национальном стиле ливанском ресторане сделали Рождеству, – центральное украшение столов: простые белые свечи, обвитые замысловатыми ягодными гирляндами. В зале по-прежнему пахнет экзотическим ароматом цеструма, или ночного жасмина; изысканно украшенные медные вазы-амфоры уютно устроились под традиционными арками, а пышные растения, скрывающиеся в углах, напоминают о лете в обрамленных кедрами садах.

Организатор мероприятия выбрал «Смоковницу» исключительно из-за популярности, а вовсе не ради праздничной атмосферы.

Вот же «гробаное» Рождество, думает Алекс.

Начиная работать в здании эпохи Регентства, где размещается ТМ&S, он полагал, что будет единственным, кто не прошел через Итон или Бейллиол³. И главным образом по-

³ Один из наиболее известных колледжей Оксфорда.

тому, что в офисе все говорили одинаково уныло растягивая слова, как это принято в высших классах. Он ошибся.

Взять хотя бы Кристиана в отделе контроля – парень из семьи рабочих из Лидса. А Аннабель из бухгалтерии выросла в заурядном пригороде Ньюкасла для среднего класса. Невелика разница с Эпл-Дейлом, деревней, где вырос Алекс. Однако Кристиан и Аннабель избавились даже от малейшей северной напевности в речи. В отличие от Алекса, над которым до сих пор безжалостно издеваются из-за его выговора. Его и прозвали «Нержавейкой» – в честь дара, который Йоркшир преподнес всему индустриальному миру, и потому, что Алекс не слишком эмоционален.

Чарли Миллс появился на свет в рабочей семье, обитавшей в многоквартирном доме лондонского Ист-Энда. Но умение, подобно хамелеону, приспособиться к любым условиям отлично служит и Чарли, и Кристиану, и Аннабель в деле, которым занимаются все трое.

В лоббировании.

В великом умении притворяться, будто знаешь все, чтобы убедить других, которые тоже только притворяются, будто знают, что делают, в том, что твой вариант – лучший.

Алекс отличный лоббист, ему и говор незачем подделывать. Он просто подделывает все остальное. Его сестра Вики однажды сказала, что он живое воплощение Дона Дрейпера из «Безумцев»⁴.

⁴ Главный герой телесериала Эй-эм-си «Безумцы», креативный директор вы-

Вики всегда умудрялась безошибочно формулировать самые тайные страхи Алекса.

В прошлом месяце Алекс работал в команде, пробивавшей контракт для частной страховой компании. Их работа заключалась в подтасовке кое-каких цифр, дабы убедить высокопоставленных чиновников в Министерстве здравоохранения, что койки в государственных больницах обходятся дороже, чем в частных.

Алекс, сын почтальона и учительницы сельской школы, провел презентацию гладко. И лишь он один видел, как с каждым словом из его тела утекает душа.

Сделку с дьяволом подписали, когда представители департамента, небрежно проглядев цифры, заявили, что искали именно такую статистику, дабы обосновать новое направление внутренней политики.

Потом будущие партнеры дружно пересмеивались и чокались чашками с кофе, которые развозили работники на минимальной зарплате.

Чарли возвращается с бутылкой еще более дорогого вина.

Хотя Алекс и не разделяет его склонности к мотовству, они с Чарли по-прежнему остаются лучшими друзьями. Он интересный человек. Первые шесть лет жизни Чарли провел с четырьмя братьями и сестрами в крошечной муниципальной квартирке, где семеро членов семьи теснились в трех

мышленной манхэтгенской фирмы «Стерлинг, Купер энд Партнерс». Делал деньги на продаже людям совершенства.

крохотных спальнях. Его отец, человек предприимчивый в духе Дэла Боя⁵ и Алана Шугара⁶, сумел пройти путь сначала от водителя городского автобуса до водителя междугородного, а затем от владельца автобуса до владельца автобусного парка. Именно доходы отцовской колесной империи позволили Чарли поступить в дублинский Тринити-колледж, попасть в который было гораздо проще, чем в престижные английские университеты, но который все же слыл достаточно элитарным, чтобы рекрутеры из ТМ&S не обращали внимания на явное отсутствие голубых кровей.

Чарли ему по-прежнему симпатичен, несмотря на новообретенный снобизм.

Алексу нравится и Аннабель, но он терпеть не может Кристиана, который, по слухам, обманул одну из стажерок, пообещав обеспечить ей должность в штате. Только партнеры могут выбирать, кто из стажеров останется, и это редко зависит от того, хороши ли они в постели.

– Ты какой-то тихий сегодня, Александр, – замечает Чарли.

– Чарли, старина, ты же знаешь, я этого терпеть не могу, – отзывается Алекс. – В Содоме и Гоморре и то, наверное, веселились скромнее.

⁵ Вымышленный персонаж ситкома Би-би-си «Только дураки и лошади» (1981). Стремится из низов Ист-Энда пробиться наверх.

⁶ Британский бизнес-магнат, медийная личность и политический советник, барон. Вышел из низов Ист-Энда.

– Это твоя проблема, Алекс. А ты, видно, хочешь просто зарабатывать деньги. Не зная, как их потом потратить. Ладно, где собираешься провести Рождество?

Алекс берет вновь наполненный бокал и делает большой глоток.

– Дома, – говорит он.

– А твоя милашка-сестра приедет?

– Слушай, ты же видел только фотографии Вики, – недоумевает Алекс. – С чего вдруг так запал на нее?

– Зато, чувак, на этих фотографиях она – на пляже в Марокко, загорелая, в купальнике из двух ленточек, – мечтательно произносит Чарли. – А я всего лишь человек.

– Знаешь, если она и соизволит вернуться домой, я тебя к ней не подпущу. – Алекс крутит вино в бокале. – Хотя планы Вики мне все равно неизвестны. Не разговаривал с ней несколько месяцев.

– Она приедет, не волнуйся, хотя бы для того, чтобы отвлечь внимание от тебя, – подкалывает Чарли, но думает уже о другом, точнее, о другой: о Серене, которая скользит мимо в обтягивающей белой блузке и короткой черной юбке, намереваясь продать одному из их безрассудных коллег еще одну бутылку безумно дорогого вина.

Алекс не хочет возвращаться в Эппл-Дейл на Рождество и уже несколько месяцев пытается придумать оправдание, но – вот же ирония судьбы – человек, который, по сути, зарабатывает на жизнь втиранием очков, не может придумать ничего

достаточно правдоподобного, чтобы пустить пыль в глаза родителям. Не под силу ему и сказать: «Ребята, я все это время и сам себе-то с трудом смотрю в глаза, а уж за праздничной индейкой и ветчиной заглянуть в отцовские, чтобы увидеть там осуждение, мне, черт возьми, и вовсе невоготу».

Он одновременно и опечален, и смирился, что для семьи Эвансов свет в окошке – это Вики. Двадцатилетняя Вики, которая только и достигла в жизни, что научилась не беременеть, пока болтается по свету, и звонит домой лишь для того, чтобы попросить у родных денег.

Зато у Алекса есть работа в большом городе и квартира в Марилебоне⁷. А еще он выплатил родительскую ипотеку.

И что с того, если однажды, когда ему было всего, черт возьми, шестнадцать, он совершил ошибку, едва понимая, зачем родился, не говоря уже о том, что надо думать о будущем?

Вот именно, что с того? Да только отец никогда не позволит ему забыть об одном: он взял да и ушел из отцовской империи и стал предателем.

Чарли до конца праздника все увивается за Сереной, но домой ее в конце концов увозит Алекс. Чарли Миллс – самоуверенный малый с кучей денег, но у Алекса денег не меньше, к тому же он на пять дюймов выше Чарли, весит килограммов на двадцать меньше, без залысин, да и вообще, как ни смотри, выглядит куда лучше.

⁷ Квартал на севере Вестминстера, один из самых престижных в Лондоне.

Когда в полшестого утра звонит телефон, Алекс просыпается, думая, что это будильник. Он забыл, что сегодня суббота, не может вспомнить, почему на полу лежат черные кружевные трусики, а дождь так громко стучит в окно его квартиры на верхнем этаже, что утреннюю пробежку, пожалуй, можно и отложить.

Затем видит «Эд» на дисплее и отвечает на звонок.

– Папа?

– Алекс?

– Что случилось? – Алекс осторожно садится в постели.

Серена почти не шевелится. Без макияжа девушка так же красива, поэтому Алекс прощает ей тональный крем, размазанный по его шикарной белой атласной наволочке.

– Срочно приезжай домой, – говорит отец.

Алекс непонимающе моргает и напрягается.

– Что случилось? – спрашивает он. – Что-то с Вики?

Конечно, в первую очередь он думает о Вики. А как иначе? Так называемая работа сестрицы последние годы заключается в том, что она скачет с одного сомнительного курорта на другой. К тому же Вики, как, впрочем, и многие другие, считает автостоп приемлемым способом путешествовать на халяву, как будто с ней все эти кошмарные истории о самодеятельных походниках-любителях, то и дело пропадающих без вести, не могут произойти никогда.

– Мама в больнице. С сердечным приступом.

Алекс резко втягивает воздух.

Маме всего пятьдесят пять, думает он. Рановато умирать.

– Но сейчас ей лучше?

Серена уже просыпается, слепо шарит рукой по простыне, пытаюсь определить, где находится.

– Сейчас да. Состояние стабилизировалось. Но тебе нужно приехать сюда. И побыстрее.

Эд вешает трубку.

Алекс смотрит на телефон.

К чему такая срочность, если матери уже лучше?

Эд явно что-то недоговаривает.

Алекс вздрагивает.

Матери лучше... на данный момент?

Одеваясь, он звонит Вики на мобильный. Абонент недоступен, сразу включается голосовая почта.

– Вики, – говорит он, как только пошел сигнал. – Срочно возвращайся домой. У мамы сердечный приступ. Приезжай как можно быстрее.

Алекс колеблется.

– Вот мой новый номер.

«Пожалуйста, не заставляй меня пожалеть, что я его тебе дал», – думает он.

Коппе, Финляндия

– Он опять это делает. Мама. Мама! Он...

– Я слышу!

Агата лезет в бардачок, роется, находит кусок соленой лакрицы и протягивает ее назад. Потом поворачивает голову и оглядывает всех троих детей.

– Олави, прекрати грызть руку. Лучше погрызи вот это. Онни, а ты перестань ябедничать на брата. Эмилия, пожалуйста, присматривай за мальчишками!

Взгляд Агаты возвращается к дороге как раз вовремя, чтобы заметить замершего оленя.

Она сбрасывает и без того небольшую скорость, не нажимая на тормоза, которые просто заставят машину скользить и могут загнать в канаву на границе леса. Машина просто останавливается на утрамбованном снегу.

Они замирают в нескольких дюймах от оленя, который стоит совершенно неподвижно, глядя на капот. В глазах у него поровну пренебрежения и равнодушия.

Сердце у Агаты замирает. Даже дети перестают ссориться и молча разглядывают животное.

Сквозь тучи пробился редкий проблеск зимнего солнца. Необычайно яркий для этого времени года, он заливает все ослепительным белым светом, в том числе и оленя, придавая его светлomu меху сказочный серебряный отблеск.

В березовом лесу по обе стороны дороги царит тишина. Ближайшие деревья согнуты чуть не до земли придавившим их снегом, ветви, словно когти, тянутся к дороге.

– Мама, а почему он гуляет по утрам? – спрашивает пятилетний Онни, потому что даже в таком юном возрасте знает, что олени на дороге обычно встречаются ночью.

– Может быть, ему нравится чем-то отличаться от других, – поясняет Агата и нажимает на клаксон. Волшебство разрушено. Олень бросает на нее скорбный взгляд и, царственно вышагивая, уходит обратно в лес.

– А можно мы пойдем за ним? – просит Олави, и Агата хотела бы сказать «да», лишь бы ее восьмилетний сын отвлекся и перестал кусать руки.

– Мне нужно к Мартти, – возражает Агата. Сзади раздаётся трио обреченных стонов. Они знают и принимают: Агата должна работать, но ведь имеют и полное право жаловаться, что им предстоит полчаса скучать в приемной у врача.

Еще год, говорит себе Агата. Потом Эмилии исполнится пятнадцать, и она сможет присматривать за мальчиками дома, когда Патрика не будет, а Агате не придется искать няню. Собственно, Эмилия и сейчас достаточно взрослая для этого, но Агата не хочет рисковать. Эмилия должна быть достаточно опытной, чтобы не испугаться, если кто-то неожиданно позвонит по телефону.

Или неожиданно появится.

Прежде приемная врача находилась прямо в его доме в центре Коппе, недалеко от дома Агаты, но, когда несколько лет назад практика перешла к Мартти, он открыл более современную клинику на другом конце их маленького городка. Это тоже близко, но Агата предпочла поехать не через Коппе, а в объезд. С появлением новостей всем стало невтерпех с ней поговорить, и любопытные очертя голову кидаются к машине, поэтому, во избежание столкновений, приходится притормаживать, опускать стекло и сообщать людям эти самые новости. В городке и окрестностях проживает четыреста человек, но, когда в отели «Коппе-Лодж» и «Арктик» заселяются туристы, это число может увеличиваться до тысячи.

Туристы приезжают и уезжают, а жители здесь постоянно и ждут, что их будут держать в курсе событий.

Плюс маленького городка: все всё друг о друге знают. Минус маленького городка: все всё друг о друге знают.

Но Агата не собирается никому ничего рассказывать, пока не решит, как действовать дальше.

В приемной у Мартти секретарша подвесила к потолку химмели и оставила на столе в приемной солому, чтобы пациенты могли сами делать эти традиционные рождественские украшения. Жизнь в приемной может быть очень неспешной: старухи нередко приходят просто поговорить. А

иногда и старики.

А иногда никто не хочет говорить, и Мартти просто спокойно работает.

Мальчики шлепаются на колени и принимаются плести химмели наперегонки, чтобы посмотреть, кто победит, сплетя самую сложную геометрическую фигуру. Эмилия падает на диван, подтягивает колени к подбородку и открывает «Тик-ток».

– Постараюсь вернуться поскорее, – обещает Агата, сама мало веря в свои слова. Никто из детей не отвечает, и в порыве вины она дает Эмилиии двадцать евро за присмотр за детьми и сулит по дороге домой купить на заправке сладостей. Эмилия едва кивает, уже погрузившись в напев поп-песни и плавные движения Эддисон Рэй на сайте с вирусным видео.

У Мартти в кабинете сидит Илон, рыбак.

– Привет, Агата, – кивает ей Илон и опускает голову. Агата мягко касается его плеча, одновременно переглядываясь с Мартти.

– Такой удар, – говорит Мартти. – Но хорошо, Илон, что ты ее выловил.

– Рассчитывал-то на парочку хороших форелек или гольцов, – недовольно ворчит Илон. Он всегда невесел, даже когда спокоен, но сейчас вид у него какой-то безумный. И невыспавшийся. Да он, собственно, всю ночь и не спал. Как и Агата. Они работали до утра и потому до смерти устали.

Агате хочется обнять рыжеволосого мужчину, но она не

станет. Илон по четыре-пять часов в день проводит в одиночестве на подледной рыбалке на озере Инари и живет один в доме на отшибе. Он нелюдим даже по финским меркам.

Это Мартти настоял, чтобы Илон пришел сегодня утром к нему на прием. Вчера Илон пробыл на льду гораздо дольше обычного, не говоря о возможной психологической травме.

Впрочем, одного взгляда на Мартти Агате достаточно, чтобы понять: с физическим здоровьем у Илона все в порядке. А вот психическое вызывает беспокойство. Илон потрясен, хотя сам этого не осознает. И ни за что не будет принимать лекарства, которые хочет прописать Мартти.

А завтра опять пойдет на озеро ловить рыбу.

Илон уходит, уверяя, что с ним все будет нормально.

Агата с Мартти переглядываются и пожимают плечами.

Большинство городских старожилов до сих пор называют Мартти «молодым доктором», хотя ему за сорок и здешних жителей он лечит уже семь лет. Усугубляют дело еще и его детское лицо и великоватые очки, которые он то и дело поправляет пальцем, словно школьник за партой.

Агата знает, что Мартти много раз имел дело со смертью. Старость. Автомобильные аварии. Снегоходные трагедии. Но повседневная работа Мартти весьма заурядна. Удаление бородавок. Сломанные запястья. Сотрясение мозга после падения на лыжах. Обморожение. Травмы от домашнего насилия, которые нередки здесь в долгие, суровые зимы.

– Как долго она пробыла в воде, док? – спрашивает Агата

у Мартти.

– Трудно сказать, Агата. У трупа температура окружающей среды. Я отправляю ее в Рованиеми. Там сделают вскрытие и скажут точнее. Подозреваю, она оставалась в воде с тех самых пор, как пропала, то есть все шесть недель. На теле нет следов, говорящих, что сначала ее держали в плену, но давайте оставим это экспертам. А родным сообщили?

Агата кивает. Для окончательного опознания потребуются родственник, но Ниям Дойл, которая и сообщила о пропаже подруги, была на озере, когда они бурили лед вокруг небольшой проруби Илона и вытаскивали тело женщины на поверхность. К счастью, Агата успела подхватить потерявшую сознание Ниям, не дав той удариться головой об лед и обременить их второй жертвой.

– И что им сказали? – интересуется Мартти.

– Только то, что известно точно на данный момент, – вздыхает Агата. – Что ее нашли в озере Инари. Утонувшей.

Район Агаты охватывает десять тысяч квадратных километров и несколько туристических курортов. Присматривают за всем этим обширным пространством только она и двое других из Коппе, да еще пара полицейских в городках, расположенных вокруг озера. Иногда, даже в чрезвычайной ситуации, до нужного места добираться приходится несколько часов. После звонка Агата примчалась на озеро через несколько минут. Но это случайность. Просто, когда Илон обнаружил утопленницу, они с младшим сержантом Яником

оказались как раз рядом с той частью Инари. Впрочем, не важно, насколько быстро приехала полиция. Женщина была мертва уже довольно давно.

Ее родные наверняка захотят узнать, как и почему она утонула в одиночестве. Почему никого не оказалось рядом, чтобы ее спасти. И не поймут, что в Лапландии до трагедии всегда рукой подать.

Что иногда некого винить, кроме себя.

Хотя в данном случае Агата совсем не уверена.

Лидс, Англия

Двадцать минут Алекс не может найти место для парковки у больницы, с каждой потерянной секундой расстраиваясь все больше и больше. В конце концов он убеждает парня из отделения платных услуг позволить ему припарковаться на обочине рядом, поскольку Алекс очень хорошо умеет убеждать людей сделать что-то, даже если они знают, что этого делать не следует.

Потом короткий рывок к входной двери больницы под проливным дождем.

Мать на втором этаже, в отделении интенсивной терапии, о чем Алекс узнает по дороге. Вот почему у Эда был такой голос, понимает Алекс. Мать, может быть, еще жива, но опасность не миновала.

В прошлом году Алекс пытался уговорить родителей оформить частную медицинскую страховку. Они отказались. Одно дело, когда сын за счет нечестных доходов выплачивает их ипотеку, и совсем другое – запрыгнуть в поезд, который медленно тянет к уничтожению государственную систему здравоохранения.

Алекс объяснил Эду и Сью, что при нынешнем правительстве поезд уже не медленно тянет, а мчится на всех парах. Их романтизированный вариант системы давно отжил свое и скоро вовсе умрет, и они тоже умрут, если вовремя не ку-

пят хорошую страховку.

Взбежав на второй этаж, Алекс видит отца, сидящего у палаты матери. Тот уже так сильно наклонился вперед на стуле, что рискует свалиться на пол, если Алекс не успеет его подхватить.

Эд вскидывает глаза на Алекса, почувствовав руку на плече, и выхрипывает одно слово:

– Сын.

Она умерла, думает Алекс. Он видит это в глазах отца, в его убитом горем, опустошенном лице.

– Я приехал быстро, как мог, – произносит Алекс совершенно бесполезные, но кажущиеся нужными слова.

Он думает о Вики, наверняка прослушавшей два его голосовых сообщения. Сейчас она мчится в аэропорт, даже не подозревая, что мать уже умерла. Сестра будет раздавлена.

– Маму ввели в искусственную кому, – Эд кивает на палату позади.

Алекс, растерянный, заглядывает в окошко.

Сью лежит на кровати. Она опутана проводами, светлые волосы, обычно завитые и уложенные, плотно прилегают к голове, а лицо покрыто синяками. Но она еще вполне себе жива. Алекс оглядывается на отца.

С их последней встречи темные волосы Эда заметно поредели, а вот борода, наоборот, стала намного гуще. Эвансы всегда отличались волосатостью. Алекс помнит, как в детстве они все отправились на пляж Уитби, отец нес Алекса и

Вики, одну на руках, другого на спине, его голую грудь, покрытую густой черной порослью. Самый сильный человек, какого мы знали, думает Алекс. Во всех смыслах. Качество, которым он восхищался в детстве и ненавидел в подростковом возрасте.

Чего можно достичь, когда твой отец великан?

Алекс недоумеваает, отчего Эд так съезжился, что могло так подкосить этого великана-силача, что он даже встать не может.

– Как она? – спрашивает Алекс. – Что сказали врачи? Поражен мозг? Или есть что-то другое? Обнаружилось что-то еще?

– С мамой все в порядке, – выдавливает Эд.

Он поднимается, чтобы встать с сыном лицом к лицу.

– Сердечный приступ случился после того, как мы узнали про Вики, Алекс. Она погибла.

Алекс смаргивает.

Мир рушится. Все вокруг начинает кружиться, медленно и сразу убыстряясь. Алекс слышит стук отцовского сердца, его дыхание, чувствует его хватку на своей руке. Но зрение затуманено, лампы над головой гудят, в жилах похолодела кровь.

– Что ты сказал? – спрашивает он.

– Вики больше нет, Алекс.

– Как это? Она же в Финляндии.

– Нам позвонили рано утром. Тогда мать и свалилась.

– Не понимаю. Как она умерла? Что случилось?

Мозг Алекса не воспринимает случившееся.

– На машине разбилась? Упала откуда-то?

Алекс трясет Эда. Он должен знать все, прямо сейчас.

– Утонула, – бесстрастно поясняет Эд, намеренно пряча собственные чувства, чтобы уравновесить бурную реакцию Алекса. – Говорят, пролежала в озере несколько недель. От нее с сентября не было вестей. Но мы не беспокоились. Когда в последний раз разговаривали, она сказала, что там становится все оживленнее, приезжает много туристов. Но надеялись на Рождество все-таки увидеть ее дома. Ты же помнишь, какая она. И звонит-то, если только ей что-нибудь нужно. Бог знает, что там подумают о нас, раз мы даже не хватились, что дочка пропала...

Голова Эда опускается все ниже.

Алекс застыл на месте.

– Она не могла утонуть, – шепчет он, не узнавая собственного голоса.

Он не разговаривал с ней несколько месяцев.

Пыталась ли сестра связаться с ним?

Неужели набирала его старый номер, из раза в раз слыша, что он не обслуживается?

А он намеренно не дал ей новый.

К горлу подступает тошнота.

– У тебя шок, – говорит Эд.

Вики, думает Алекс. Теплое тельце рядом, когда они были

маленькими, вредина, которая всегда ябедничала на него родителям. Маленькая девочка, которая однажды написала сочинение, назвав Алекса примером для подражания, поскольку на той неделе брат сделал для нее что-то хорошее. Девочка-подросток, которая таскала у него сигареты и ради развлечения угнала первую его дорогую машину только для того, чтобы позлить его. Женщина, которая в равной мере могла заставить его и смеяться, и грустить...

Вики. Двадцать шесть лет, Вики.

И даже теперь, пытаюсь смягчить этот удар под дых, Алекс чувствует нарастающий гнев.

Ведь для сестры так типично – постоянно причинять им боль, идти на такой риск, чтобы в результате погибнуть к чертям собачьим. Да как она посмела? Как Вики могла так поступить с ними?

Алекс отворачивается от отца и, не задумываясь, со всей дури бьет кулаком в стену.

От перелома руки его спасает только то, что это не настоящий бетон, а какая-то дешевая пластиковая перегородка.

Боль пронзает суставы и запястье, и Эд перехватывает его руку прежде, чем Алекс успеваает отвести ее назад и добавить к первой вмятине еще одну.

– Нет, – требует Эд.

Алекс послушно опускает руку. Да уже и нет необходимости повторять. Хватило и одного раза, чтобы заместить эмоциональную боль физической.

– Мне нужно, чтобы ты контролировал ситуацию там, – просит Эд, прорываясь сквозь туман. – Я не могу оставить мать.

Алекс сглатывает.

– Кто-то из родственников должен поехать туда, чтобы официально опознать тело.

Алекс смотрит на Эда. Неужели отец ждет, что после таких новостей он сядет в самолет, отправится в чужую страну и будет вести себя как нормальный человек!

Эд пристально смотрит Алексу в глаза.

– Возьми себя в руки. Ты можешь вылететь в Финляндию завтра. Привези ее. Верни мою малышку домой.

Рованиеми, Финляндия

Вокруг автостоянки морга в Рованиеми снег сгребли и свалили в такие высокие кучи, что они выглядят как крепостные стены.

Одноэтажный морг за ними почти не виден.

Агата уехала из Коппе в 6 часов утра, сразу после того, как появился прежний босс и старый друг Патрик, чтобы посидеть с детьми. Путь до столицы Лапландии она проделала за четыре часа, питаясь кофе и домашними корвапуусти⁸.

Хмурое неспроставшееся серое утро идеально отвечает настроению Агаты.

Олави трижды просыпался за ночь, кричал, будоража Эмилию и Онни, хотя Эмилия в чисто подростковой манере пожимала плечами. Агата еще толком не отошла и от предыдущей ночи, половину которой провела на озере. И теперь, чтобы прийти в себя, ей нужно было восемь часов спокойного сна.

В конце концов Олави заснул на руках Агаты, припав губами к красному следу от зубов на собственной руке, но она слишком устала, чтобы даже пытаться отодвинуть либо руку, либо голову. Она винит в этом сласти, купленные на заправке по дороге от Мартти, которыми они полакомились после

⁸ Булочки с корицей (*фин.*).

ужина, но в глубине души знает, что причина ночных страхов сына в чем-то совсем другом.

Войдя полшестого в дом, Патрик осторожно разбудил Агату, а затем отнес совершенно бесчувственного Олави обратно в кровать, где он абсолютно точно будет мирно почитать еще несколько часов. А вот самой Агате такой удачи не досталось.

Полицейский, стоящий на входе в морг, помнит Агату еще по стажировке и отправляет прямо в лабораторию. Венла, кудрявая патологоанатом, приветствует Агату, протягивая кофе. Но Агата понимает, что мочевого пузыря переполнен, ей до зарезу нужно в туалет, и бессознательно переминается с ноги на ногу.

– Ты что, не останавливалась по дороге? – удивляется Венла.

Агата отрицательно качает головой, и Венла объясняет, что дамский туалет не работает, но если она поторопится, то как раз успеет воспользоваться мужским до Леона, смотрителя, который регулярно в пол-одиннадцатого является, чтобы опорожнять кишечник.

– По нему просто хоть часы сверяй, – хмыкает Венла. – Если он когда-нибудь окажется на моем столе, непременно проведу углубленное исследование его толстой кишки. В научных целях.

Агата мочится с небывалой скоростью и обнаруживает, что туалетной бумаги нет, но она предусмотрительна, и у нее

в сумочке всегда есть пакет влажных салфеток. Прежде чем уйти, она, поколебавшись, милосердно оставляет несколько штук Леону.

Венла ждет ее с быстро остывающим кофе.

– Потом пообедаем вместе. Я приглашаю, – говорит она Агате. – Устроим девичник. Бог свидетель, при таком количестве тестостерона вокруг мне это просто необходимо. Не говоря уже о том, что сегодня суббота. Мои родители были весьма религиозны и соблюдали субботу, как одержимые. Они б в гробу перевернулись, узнав, что я работаю в священный день. Ты где поселилась?

– В «Нордике», – отвечает Агата.

Они разговаривают, идя по тускло освещенному коридору в лабораторию Венлы. У Агаты перехватывает дыхание при виде обнаженного тела Вики Эванс на столе, но Венла рассматривала труп все утро и продолжает говорить. Агате всегда казалось, что, проводя так много времени с людьми, которые уже не способны говорить, Венла слишком болтлива с теми, кто пока еще разговаривает.

– Я закажу нам столик в «Красном олене», – обещает Венла. – Это за углом. Когда приезжают родственники?

– Сегодня вечером, – отвечает Агата. – Будет только брат. Алекс Эванс.

Она подходит к телу, а Венла берет с письменного стола папку.

– Не хотела бы я быть на твоём месте, – замечает Венла.

– Парень ведь, небось, надеется увезти ее домой?

Агата кивает.

Мысленно отменяя повреждения, нанесенные телу водой, Агата понимает, что при жизни Вики была хороша собой.

Черты лица у жертвы мелкие и очень симметричные, от маленьких изящных ушек до розовых, красиво изогнутых губ. Даже длинный разрез на груди после вскрытия зашит аккуратными, мелкими стежками.

Женщину обрили, чтобы Венла могла осмотреть рану на голове. На озере у нее были длинные каштановые волосы, мало чем отличавшиеся от собственных темных локонов Агаты, но гораздо более гладкие.

– Как ты и подозревала, – говорит Венла. – Эта травма получена не в воде. Ее ударили еще до того, как она свалилась туда.

– Может, при падении? – спрашивает Агата с надеждой.

– Нет, – говорит Венла. – Ее ударили чем-то металлическим. Один раз. И достаточно сильно. Судя по форме раны, возможно, концом ледоруба. Нападавший правша и ударил, когда жертва стояла лицом к нему или к ней. Умерла она от утопления, но у нее была обширная субдуральная гематома, которая в любом случае привела бы к смерти. Полагаю, она была в обмороке, когда провалилась под лед. Надеюсь, в таком глубоком, что ничего не почувствовала.

Агата вздрагивает.

Протягивает руку и касается лица Вики. Агата не хочет

представлять, что чувствовала Вики, оказавшись одна в замерзшем озере, так далеко от дома, так далеко от близких, осознав, что умирает.

– Я понимаю тебя, милая, – шепчет Агата, поглаживая Вики по холодной щеке.

Потом поворачивается к Венле.

– Есть признаки сексуального насилия?

– Никаких. Чистенькая. Вода в любом случае все отмыла бы. Но в области гениталий нет никаких признаков насилия, и одежда не пострадала. Никаких следов наркотиков в крови. Она была очень здоровой, совершенной молодой женщиной.

– Слишком молодой, – говорит Агата.

Агата замечает, что Венла смотрит на нее чересчур пристально, и краснеет. Опускает руку, и патологоанатом отворачивается, делая вид, что занята своими бумагами.

– Как думаешь, в двенадцать не рановато обедать? – задумчиво спрашивает Венла. – Неплохо бы бокал шардоне.

– Хм, – говорит Агата. Она отвлеклась. Венла снова смотрит вверх.

– О чем задумалась?

– О ее домике в курортном комплексе, – говорит Агата.

– А что с ним?

– Я тебе не говорила, что мы там нашли, когда она пропала.

Коппе, Финляндия, зима 1998 года

Кайя жутко продрогла, гоняя собак по замерзшему озеру. А все из-за того, что не стала надевать оленьи унты.

Торопясь выбраться из дома как можно быстрее и тише, просто сунула ноги в ближайшую обувку, а ею оказались домашние туфли.

Возьми она лошадь, это было бы неважно. На лошади она бы согрелась. А так приходится постоянно убирать одну ногу с задней части саней, чтобы помочь собакам на склонах, и ноги начинают мерзнуть. Повезет, если не отморозит палец на ноге.

Как бы там ни было, а виноваты во всем чертовы хаски. Совсем недавно пришлось сказать туристам, что эти собаки и родом-то вовсе не из Лапландии; это всего лишь чья-то придумка, чтобы привлечь да порадовать постоянно растущее число отдыхающих. Тропы, по которым туристов везут в собачьи питомники, каждое утро заново прокладывают для собачьих упряжек, потому что в противном случае животные с их короткими лапами просто увязнут в снегу.

Настоящие лапландцы ездят на лошадях. Ну, если, конечно, не садятся в машину, на снегоход и не встают на лыжи.

Впрочем, если бы она взяла лошадь, муж бы заметил, когда пошел закрывать конюшню. А если бы она взяла машину или снегоход, он бы услышал.

Дрессировка собак – это работа Кайи, а они постоянно лают, так что неважно, что они тявкали и скулили, пока она запрягала их в сани и ехала с горы. Когда она вернется, муж будет еще спать и не поймет, сколько времени ее не было.

На небе ни облачка, а над головой всеми оттенками зелени на фоне миллиона мерцающих звезд ярко сияют «лисьи огни»⁹.

Кайе некогда ими восхищаться. Для нее они по-прежнему остаются чудом, хоть и сопровождают всю жизнь, но сегодня вечером она слишком замерзла. Из рта, когда она кричит на собак, вырываются облачка пара.

И теперь перед Кайей открывается сияние города.

Она идет по тропинке, протоптанной по краю озера туристами, целый день бродящими взад и вперед по льду в поисках развлечений. Вокруг не очень темно. Здесь установили фонари, чтобы гости не заплутали, направляясь на ночные мероприятия. Эта часть леса всегда напоминает Кайе «Льва, колдунью и платяной шкаф», и хорошо освещенную тропинку в снегу Нарнии уже по ту сторону дверцы шкафа.

Оказавшись рядом с городом, Кайя привязывает собак к дереву. Не нужно, чтобы на улицах Коппе на нее обращали внимание. А пешком можно передвигаться незаметно.

Она уже вся дрожит, ей нужно погреться у огня.

Кайя держится в тени, избегая гуляк, вываливающихся из баров, где желающим отдохнуть после катания на лыжах по-

⁹ Так финны называют северное сияние.

дают пиво и бургеры.

В эти дни в Коппе полно слащавых игрушечных шале, выстроенных только для того, чтобы гости Лапландии думали, будто это своего рода круглогодичная рождественская идиллия. Они ведь понятия не имеют, как сурова зима для тех, кто не приехал сюда на пару недель отдохнуть, а обитает постоянно: упорная борьба за выживание долгие темные месяцы; невероятные усилия, дабы за сезон заработать столько, чтобы прожить целый год, или уберечь ферму от гибели в какую-нибудь особенно суровую зиму, а эта, похоже, будет как раз такой.

Когда Кайя работает в баре, некоторые туристы иногда говорят, что заразились лапландским безумием и летом непременно вернутся. А она всегда советует приезжать осенью. Летом тут полчища комаров и мошек. Лапландцы к насекомым привыкли; туристов же съедают заживо.

Кайя обходит нескольких немцев в дорогом лыжном снаряжении, а затем срезает по газону и, наконец, добирается до его дома. Местные по-прежнему живут в городе, хотя туристов сейчас втрое больше, чем раньше, и их число все растет. Впрочем, народ, похоже, нашел золотую середину. Туристов незаметно направляют в коммерческие бары и рестораны, которые обеспечивают горожан работой; а местные жители ходят в те магазины и общественные места, где их не обдирают как липку.

Кайя думала, что тоже приспособится, но не получилось:

застряла на склоне чертовой горы на оленьей ферме. Она стучит в заднюю дверь, три коротких стука.

Он открывает дверь, и любопытство на его лице быстро сменяется угрюмостью.

– Что ты здесь делаешь? – шипит он.

Кайя ошеломлена. Прошлой ночью они обнаженными сплетались в страстных объятиях. А сейчас он смотрит на нее, словно на комок грязи, который вдруг обнаружил у себя на сапоге.

– Мне нужно с тобой поговорить, – просит Кайя.

– Сегодня вечер среды, – рывкает он. – Ты же знаешь, что по средам она здесь.

– Но я...

Он оглядывается через плечо, прислушиваясь к раздававшемуся шуму.

– Уходи, – и толкает ее в плечо.

Кайя шокирована. Никогда в его прикосновениях не было ничего, кроме желания приласкать. Никогда в его тоне не слышалось ничего, кроме любви.

– Я забыла, что сегодня среда, – лепечет Кайя. Она не забыла. Ей просто необходимо было увидеть его. – И очень замерзла. Ты не можешь придумать какое-нибудь оправдание, почему я здесь? Можно я зайду и погреюсь?

Кажется, он задумался, и Кайя знает, что все будет хорошо. Он просто удивился, увидев ее. Она застала его врасплох. Она бы тоже обомлела, явись он к ним домой, когда

там муж. Сегодня незачем даже свои новости ему рассказывать. Их можно и в другой раз рассказать. Сейчас ей хочется только горячего кофе и тепла его камина.

– Нет, – отрезает он. – Иди в бар. Завтра поговорим.

И закрывает дверь.

Кайя стоит, ошеломленная. Через дверь ей все еще слышен его голос.

Он объясняет подошедшей жене, что это ломилась какая-то пьяная туристка.

У Кайи мелькает мысль постучать в дверь, выманить жену и сказать ей правду: я никакая не пьяная туристка, я женщина, которая последние полгода трахается с твоим мужем.

Но удовлетворение от мести будет мимолетным.

Поэтому она поворачивается и крадется обратно в город, поджав хвост и обуреваемая весьма неприятным предчувствием, что все пойдет не так, как задумывалось.

Возлюбленный не собирается ей ничем помогать в нынешнем затруднительном положении.

Ведь как посмотрел-то, когда она имела наглость постучать ему в дверь не в тот вечер.

Пожалуй, может и убить, когда узнает, что она сделала.

Хельсинки, Финляндия, 2019 год

Чарли заказал Алексу билет в Хельсинки в первый класс на кредитную карту компании.

Алекс прекрасно видит, что это далеко не привычный ему первый класс, но благодарен за занавеску, отделяющую два передних ряда от эконом-класса, а также за внимание стюардессы, хотя за него в гораздо меньшей степени: слишком уж его много. Он отказывается от бесплатного шампанского, что девушка воспринимает как личное оскорбление, а в обед вступает в бой, требуя вместо еды бренди. Стюардесса соглашается на бренди, но только если он возьмет и еду. Все оплачено. Еду подогрели. Нет, ее нельзя передать другому пассажиру. Может быть, для Алекса еще только утро, но на самолете другой часовой пояс с двухчасовой разницей, и уже наступило время обеда.

Алекс сдается, потому что это проще, чем бороться с этим маленьким авиадиктатором. Он вспоминает, что не ел со вчерашнего дня, когда отец заставил его проглотить подсохший бутерброд с ветчиной в больничном буфете, после чего они вернулись в Эппл-Дейл. Перед отъездом из больницы Алекс поцеловал мать, всей душой надеясь на лучшее. Она была все так же в коме. Алекс ужасно боится, что она умрет, пока он будет развезжать, организуя перевозку тела сестры. Какими словами вообще можно описать всю эту историю?

Как его семья практически мгновенно уменьшилась на двух человек, и ни с одним из своих близких он не был рядом, когда это произошло.

Обед упакован в маленькую коробочку из фольги, и пар, который выходит, когда он ее открывает, едва не обжигает ему руку. Алекс съедает все вместе с десертом, выпивает бренди, а затем берет еще бокал шампанского и кофе. Самочувствие сразу становится отвратительным. Стюардесса же, одержав эту пиррову победу, довольна.

Они прибывают в Хельсинки, и Алекс пока не понимает, до какой степени не готов к этой поездке. В аэропорту хорошо топят, и он снимает свитер, направляясь через вестибюль в сторону Шенгенской зоны, чтобы пересесть на другой рейс. Пассажиры, садящиеся в крошечный самолет, вылетающий в Рованиеми, одеты совершенно по-другому. На Алексе костюмные брюки и рубашка, в одной руке чемоданчик с парой джинсов, запасной рубашкой и джемпером, через другую перекинута кашемировое пальто. Справедливости ради, выходя из дома, он собирался переночевать в родительском доме и вернуться на следующий день. Да и арктической экипировки у него негусто. Алекс предпочитает отдыхать в более жарком климате, а не в более холодном, чем тот, который он и без того вынужден терпеть.

Между тем вокруг все одеты как для лыжной прогулки. Оказавшись опять на борту, он заказывает виски, чтобы согреться, и запивает бесплатным стаканом морошково-

го сока.

Вряд ли все это так уж надолго, говорит он себе. Хотя представления не имеет, сколько времени нужно, чтобы привезти домой из чужой страны мертвую сестру. Наверное, пару дней. Деньги не проблема, да и финны наверняка хорошо справляются с такими делами. Чарли проконсультировался с британским Министерством иностранных дел, и там его более-менее успокоили. Их участие, скорее всего, не понадобится, но, конечно, в случае чего они готовы оказать поддержку.

В крохотном аэропорту, держа в руках карточку с его именем, ждет контактное лицо из полиции – Агата Коскинен. Маленькая женщина с темными вьющимися волосами, добрым круглым лицом и глазами человека, который много улыбается.

Одежда на ней более подходящая для здешнего климата, чем у Алекса. Не форма. Ее наряд состоит из мягкой куртки до колен поверх шерстяного джемпера и джинсов, а также ботильонов на меховой подкладке.

Агата бросает взгляд на его тонкое пальто и кожаные туфли, и он слышит, как она ругается себе под нос.

– Вам нужно ждать багаж? – спрашивает она его с ноткой надежды в голосе.

– Нет, но я хотел бы зайти в туалет.

Он оставляет ее с телефоном в руке рассылать эсэмэски, а сам идет освобождать мочевой пузырь от виски и морош-

кового сока.

В безупречно чистом туалете мужчина помогает перевозбужденному пятилетнему ребенку мыть руки. Малыш без усталости подпрыгивает.

– А когда мы увидим Санту? Он сегодня вечером придет, а потом еще и в сочельник? А он мне подарит игровую приставку? А эльфы настоящие?

Они англичане, как и Алекс, но Алекс молчит. Тщетно. Он ведь тоже одет как англичанин.

Отец улыбается Алексу в зеркале.

– Пять штук уже окупилась, – говорит он Алексу.

Алекс кивает в ответ, вяло улыбается малышу и уходит.

Агаты не видно, но неподалеку ждут мать и дочь, другая половина английской семьи. Маленькая девочка, лет двух-трех, не больше, кружится, широко раскинув руки, снова и снова повторяя слово «снег», а мать смеется.

И давно забытое воспоминание бьет его, как удар под дых.

Вики в таком же возрасте кружится под легким снегопадом. Делает снежного ангела. Прилив нежности, которую он испытывал к младшей сестре, сам будучи ребенком, наблюдая за ее безудержной, незамутненной радостью.

Алекс закрывает глаза. Воспоминание было похоже на прыжок во времени. Невозможно поверить, что все это было, как невозможно поверить и в то, что сестра мертва. Какие могут быть воспоминания, если ее нет?

– Извините, – говорит Агата. Она уже рядом. – Я подо-

гнала машину ближе к двери, чтобы вам не пришлось идти далеко.

– Хорошо. А что, так холодно?

– Ну, еще не так, как в январе.

Алекс переваривает ее слова.

Они выходят из аэропорта, и Алекс, считавший, что видел снег, поскольку вырос в суровых йоркширских зимах, понимает, что на самом деле никогда не видел настоящего снега. Снаружи, куда ни посмотри, – снежное царство, горы снега.

Следующим он замечает, что все вокруг ходят нормально. И замечает это как раз в тот момент, когда у него земля уходит из-под ног.

Все остальные, разумеется, в зимних ботинках, в валенках. Даже дети лучше держат равновесие.

Агата хватается его за руку, не давая упасть.

И тут на него нападает холод. Алекс никогда не чувствовал ничего подобного. Холодно так, что кажется – высуну язык, и он тут же обледенеет. Снег даже не хрустит. Пахнет свежестью. Лицо горит, словно кожу с него начисто сожгло.

– Я приготовила вам в отеле кое-какое снаряжение, – улыбается Агата. – Остается доставить вас туда целым и невредимым.

– Я... с-спасибо, – бормочет он, стуча зубами.

Алекс полон благодарности за такое проявление заботы. Сейчас он почку бы продал за подходящую одежду.

Агата ведет его к пассажирской двери и ждет, пока он

усядется, прежде чем перейти на водительскую сторону. Алекс трясущимися пальцами пытается пристегнуться. Кое-как управившись, кладет руки под себя и раскачивается взад-вперед, пытаясь вернуть им чувствительность. А ведь он провел снаружи не больше минуты.

Агата включает отопление на максимум, и они отправляются.

Повсюду мелькают указатели на «Деревню Санты». Сквозь заснеженные деревья посверкивают отблески освещенного неоновым светом туристического Северного полюса.

На перекрестке Агата поворачивает направо, и Алекс понимает, что они едут совсем не туда, куда автобусы везут семьи отдыхающих.

– Сейчас морг закрыт, но утром вы сможете увидеть сестру, – негромко произносит Агата.

Алекс сглатывает.

– Если хотите, можем сегодня вечером в отеле поужинать вместе. Я ведь тоже там поселилась. Но можете ужин и в номер заказать. Ну, и, разумеется, прогуляться по городу, если хотите – как только мы вас должным образом оденем. Рованиеми... он красив, по-своему. Думаю, дома здесь куда менее высокие, чем те, к которым вы привыкли. Во время Второй мировой войны город был почти полностью разрушен, так что практически все пришлось отстраивать заново. В это время года здесь очень празднично.

– Пожалуй, останусь в отеле, – Алекс передергивает плечами. Затем, помолчав, продолжает: – Но с вашей стороны очень великодушно позаботиться обо мне. Уверен, у вас есть семья или... – Алекс опять умолкает. С зеркала заднего вида свисает брелок для ключей: фото детей в небольшой рамке. Но сил на светскую беседу у него нет.

Агата сама заполняет паузу.

– Я остановилась в отеле, потому что вообще-то живу в Коппе. Это довольно далеко отсюда.

– Вот как. Значит, вы работаете в тех местах, где ее нашли? Я думал, вы из полиции Рованиеми.

– Нет.

Алекс искоса смотрит на Агату.

– Значит, вы знали ее?

Пауза.

– Может, и видела когда-нибудь в городе. Я редко бываю в «Лодже», разве что какую-нибудь проблему приходится решать. И почти никогда не ем и не пью там. Цены-то заоблачные – для туристов. Когда подруга сообщила, что ваша сестра пропала, я просмотрела много фотографий, поэтому и кажется, будто знаю ее лучше, чем на самом деле.

Алекс возмущен.

Шесть недель. Полтора месяца. По словам отца, именно столько времени о Вики не было ни слуху ни духу.

– Почему же нам никто не сообщил, что она пропала? – негодует он.

Агата не спускает глаз с дороги.

– Непонятно было, действительно ли она пропала. Взрослые ведь могут приходиться и уходить, когда захотят. Никаких признаков криминала. Ее подруга две недели ждала, не заявляя в полицию. Да и потом заявила с большой неохотой. Никто ведь не хочет обращаться в полицию по вопросам, которые кажутся пустяковыми. А проводники на курорте – птички вольные, как все убеждены. Эдакие авантюристы. Да и не искал ее никто. Я имею в виду родных. Она ведь не указала ближайших родственников, к которым можно обращаться в случае чего. Это было необычно. Чаще в таких случаях именно родственники обращаются в полицию.

– Однако, чтобы сообщить о ее смерти, вы нашли нас достаточно быстро, – упрекает Алекс.

– Так здесь задействованы разные протоколы, – отбивается Агата.

– Шесть недель, – повторяет Алекс. – О ней никаких сведений не было шесть недель, а вам здесь, похоже, все равно.

– Мне – нет. Но одного моего беспокойства недостаточно, чтобы связаться с британским посольством. Родственники никаких запросов не шлют, данных, что Вики как-то пострадала, нет... Алекс, я уверена, вы и сами знаете, что требуется, дабы официально объявить кого-то пропавшим без вести. Шесть недель могут показаться долгим сроком, но на самом деле, когда речь идет о взрослых, это не так.

– Но подруга-то забеспокоилась. Кто она?

– Ниам Дойл. Ирландка. Как я уже сказала, она не хотела даже сообщать об этом. Сначала решила, что Вики просто уехала и даст о себе знать позже. Через некоторое время Ниам попыталась до нее дозвониться. Думаю, больше всего подруга заволновалась, увидев, что у Вики давно нет обновлений в соцсетях. А вот меня это как раз не встревожило. Когда люди по какой-либо причине решают пропасть из виду, то предпочитают не появляться в Инстаграме. Я открыла дело просто на всякий случай, и мы поговорили с людьми в отелях и в деревне. Но вскоре наступил декабрь, а как только дело идет к Рождеству... В Коппе это самое горячее время.

Алекса, который и без того на пределе, все это начинает бесить. Он чувствует, как внутри назревает старое, но знакомое чувство, которое он научился подавлять. Ему хочется огрызнуться на эту женщину, на ее спокойный размеренный тон. Спросить, а не забыли ли про Вики, потому что в декабре в этом городе, Коппе, всех волнует только, как побольше заработать.

Но Алекс сдерживается. Поскольку, хоть и злится, понимает, что гнев его бесполезен и направлен не по адресу. Он в ярости оттого, что сестра мертва. А вовсе не оттого, что ему не сообщили о ее исчезновении.

На это злиться бессмысленно. Пора бы и понять. Как сказала Агата, это он должен был заявить о ее исчезновении.

Поэтому Алекс проглатывает свою ярость, но знает, что женщина-полицейский ее чувствует, потому что плотно сжи-

мает губы, а потом произносит:

– Мне очень жаль.

И не говорите, думает Алекс.

– Вики перестала оставлять работодателям сведения о своих ближайших родственниках, – объясняет он через несколько минут. – Несколько лет назад в Италии она напилась и попала в аварию на мопеде какого-то парня. Копы позвонили родителям, и у них чуть не случился нервный срыв. Вики решила, что, если нечто подобное повторится, лучше она сама расскажет нам в свое время, когда все уляжется. Глупо, но с ее точки зрения логично. Она знала, что нас всех беспокоит ее образ жизни. И не хотела давать нам очередной повод сказать: «А мы тебя предупреждали».

– А, – говорит Агата.

Алекс смотрит в лобовое стекло. В лучах фар виден снег. Один только снег. Везде. Может быть, здесь и есть жизнь, но только не на этой пустынной дороге. Здесь так безлюдно, что он удивляется, когда перед ними вдруг вырастает город с низкими крышами и кварталами баров и ресторанов.

Рованиеми.

Алекс косится на женщину. Она глубоко задумалась.

Один из навыков Алекса – умение читать людей.

И в этот момент он точно может сказать: Агата что-то недоговаривает.

В отеле «Нордик» он открывает дверь своего номера и попадает в абсурдно огромные апартаменты. Уж Чарли расста-

рался. Партнеры могут его за это прищучить, но Чарли покажет статистику прибылей, которые Алекс принес в этом году. Впоследствии это, без сомнения, вычтут у него из премии, но вот тогда и можно будет об этом побеспокоиться.

Алекс бросает чемодан на пол, сбрасывает с кровати нелепую мягкую игрушку – хаски, которую, очевидно, предлагается купить за двадцать евро, – и падает на покрывало, уставившись в мягко освещенный потолок. Евро. У него их нет. Даже в голову не пришло поменять валюту в аэропорту. Он прилетел в Финляндию в непрактичных кожаных ботинках и пальто «Барберри» с фунтами в кармане. Подготовился хуже, чем к прогулке по пляжу в Брайтоне в зимний день.

Очень не хочется вставать. Чтобы добраться сюда, и то потребовалась уйма сил. Но Алекс поднимается, раздевается и долго стоит под душем в современной ванной, отделанной черной плиткой, затем натягивает свежую рубашку и джинсы.

Вернувшись в ванную, наливает из-под крана стакан ледяной воды и глотает две таблетки аспирина. Отражение в зеркале показывает налитые кровью глаза и бледную кожу. Он выглядит как кусок дерьма.

Алекс набирает сообщение отцу, что добрался благополучно, когда раздается стук в дверь. Он открывает и видит Агату с несколькими громоздкими сумками.

– Термобелье, комбинезон, теплые сапоги, зимняя куртка, шапка, рукавицы и шерстяной свитер. У вас примерно тот

же размер, что у моего друга. Надеюсь, я угадала. Сапоги в любом случае должны быть великоваты. Их нужно носить с двумя парами носков.

– Рукавицы? – У Алекса больше нет слов.

– Они лучше перчаток, – говорит Агата. – Пальцам будет теплее вместе, чем по отдельности.

– Да что вы?

– Уверяю вас. Ну как, идем ужинать?

Алекс кивает.

Он пройдет через все это. Поест, попить, поспать. А завтра организует гроб и самолет, чтобы вернуть Вики домой.

В ресторане царит полумрак. Черные кожаные диваны, стены из тикового дерева, столы освещены одинокими свечами в оправе из сосновых шишек.

Алексу даже меню не прочесть. Агата заказывает для них обоих: себе бургер, Алексу – местную рыбу. Вроде бы она сказала «окунь», но в тот момент он мысленно поточнее формулировал вопросы.

Она интересуется, не хочет ли Алекс выпить. Он отказывается. За последние двое суток выпивки было более чем достаточно, и заливать горе алкоголем ему совсем не хочется. Среди его сотрудников есть несколько человек, которых можно назвать не иначе как высокофункциональными алкоголиками. И он не станет одним из них.

– Ну, надеюсь, вы не возражаете, – говорит Агата, отпивая

красное вино из бокала, который ей принес официант. – У меня дома трое детей, и я очень редко оставляю их одних на ночь. – Она моргает, затем быстро добавляет: – Впрочем, это вовсе не праздник.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.